Ученый, актер, собеседник

КОГДА диктор телевидения объявляет, что сейчас выступит Иракий Андроников, взрослые подсаживаются ближе к экранам и кричат детям: «Тише!».

Когда на прилавках книжных магазинов появляется серьезное, рассчитанное на специалистов исследование Андроникова о Лермонтове — тираж мгновенно расходуется, как будто город наводнен лермонтоведами.

Когда в зале Чайковского проходит вечер устных рассказов Иракия Луарсабовича — у входа очень много людей, которые спрашивают «лишний билетик», и до обидного мало людей, которые такой «билетик» продают. Разумеется, «до обидного мало» с позиций человека, мечтающего такой «билетик» приобрести.

В чем же секрет успеха Андроникова? В том, что он блистательный исследователь, захватывающий беллетрист, уникальный актер?.. Ведь даже одного из этих талантов — так, как они проявляются в Андроникове, — хватило бы на то, чтобы стать уважаемым лите-

ратуроведом, известным писателем, любимым концертантом...

Конечно же, секрет успеха Иракия Луарсабовича — в триединстве его дарования, но не только в этом.

Помню, в начале пятидесятих годов (когда говоришь об Андроникове, хочется говорить эпохально: «в начале пятидесятих годов», а не просто «в таком-то году») — итак, помню, в начале пятидесятих годов я совершил увлекательное путешествие с Иракием Луарсабовичем от улицы Качалова, где находилось Всесоюзное радио, до Путинковского переулка на площади Пушкина, где теперь АПН, а тогда тоже находилось Всесоюзное радио. В ту пору оно располагалось в двух местах, редакции были располовинены, и даже маститым литераторам (к которым уже тогда принадлежал Андроников), а тем более начинающим (к каковым относился я) часто приходилось за 15—20 минут —

что называется, вприпрыжку — преодолевать расстояние между этими двумя радиодо-

мами. Но я сказал о путешествии. Оно продолжалось полчаса. На нашем пути лежали такие удивительные земли, как дом Максима Горького и Алексея Толстого, Дом Герцена, не говоря уже о самой улице имени Качалова. С Горьким и Толстым Андроников был знаком, с Качаловым тоже, а в Доме Герцена когда-то находился первый клуб советских литераторов. Вспомнить и рассказать было с чем!.. И Андроников рассказывал.

Нет, он не имитировал Горького, Толстого, Качалова, как это умеют делать некоторые актеры, не рассказывал бытовых подробностей их жизни, как это порой делают не очень скромные очевидцы, — он как бы соотносил этих людей с теми духовными ценностями, которые они создали. Обладая голосовым аппаратом с бархатистым нижним регистром, можно просто, подражательски, с характерными запинками на согласных произносить фразы так, как их произносил Качалов. Но когда Андроников начинал говорить по-качаловски, звучал не только

качаловский голос — возникал строй качаловского мышления, видение людей и предметов, отношение к фактам, да еще слышалось его, андрониковское, отношение к самому Качалову.

Это было путешествие к живому Горькому, живому Толстому, живому Качалову, это было почти физическое проникновение в иное время. И хотя говорил один Андроников, у меня было полное ощущение беседы. В этом путешествии не было ведущего и ведомого, рассказывающего и слушающего, маститого и начинающего. И мне, кажется, тогда я и понял секрет андрониковского успеха у зрителей, слушателей и читателей: он умеет сделать вас собеседником. Откройте любую из литературоведческих работ Иракия Луарсабовича — и с первых же фраз вы почувствуете, что вас не собираются поучать, вас просто приглашают к беседе, вам оставляют право переспросить, возразить, вставить свое слово. Естественно, книга вас не услышит, но ощущение такого своего права

вас не покинет до последней страницы. Только закрыв книгу, вы вспомните, что не воспользовались этим правом, вам было просто очень интересно и вы стали богаче не только в своих познаниях, но и духовно. А удовлетворение от того, что с вами поговорили уважительно, на равных, потянет вас к любой книге, к любой афише, где значится: «Иракий Андроников».

Говоря об Андроникове, нельзя не сказать об андрониковском лермонтоведении. Оно особенное. Лермонтов для Иракия Луарсабовича не предмет исследования, а страсть через всю жизнь. Поэтому его исследования о Лермонтове не только первооткрывательские, но еще и эмоциональные. И это то, что привлекает к Андроникову-литературоведу не только его академических собратьев, но и всех, кто любит читать.

Иракию Луарсабовичу Андроникову — шестьдесят. Для писателя это возраст богатого жизненного опыта, зрелых мыслей, твердой руки. Как один из многих тысяч читателей Иракия Луарсабовича, я хочу пожелать ему долгих лет труда, здоровья и заслуженного, «андрониковского» успеха!

В. КОРОСТЫЛЕВ.